

Когда Цзян Шулу только подошёл, Тан Юй сразу уловил его аромат духов.

В былые времена группа «Ауэй» заключала множество рекламных контрактов с баснословными гонорарами. В том числе — эксклюзивный контракт с известным парфюмерным домом, который тогда представил четыре новых аромата, и каждый участник группы стал лицом одного из них.

Яо Лисинь с самого начала недовольно ворчал: «Почему мне достался такой святой, неприступный лотос? Неужели это намёк на мою личность?!»

У Люй Сичао было полегче — его аромат напоминал весенние ивы, полные жизни и свежести.

Но у Цзян Шулу всё оказалось иначе.

Верхние ноты его духов — яркие, почти вызывающе цветочные — казались слишком игривыми для образа «серьёзного капитана». Большинство сочло бы их идеальными для Яо Лисиня — того, кто обожает обниматься и хлопать всех по плечу.

Однако Тан Юю нравились именно эти верхние ноты — и особенно шлейф из благородного удового дерева.

Этот аромат словно отражал самого Цзян Шулу: первое впечатление — ослепительное, а затем — три года безмолвной, повсюду присутствующей заботы и надёжности.

Правда, в группе Тан Юй редко приближался к Цзян Шулу, не лкнул к нему, как к Яо Лисиню. Поэтому самый яркий запах, связанный с капитаном, у него ассоциировался лишь с двумя случаями, когда он терялся.

Первый раз — на улицах Парижа во время дождливого сезона. Он заблудился, снимая одно из реалити-шоу, и чувствовал себя ужасно неловко.

В чужой стране, с плохим английским и нежеланием просить помощи, он стоял под огромной городской скульптурой, будто затерявшийся стриж под проливным дождём.

Цзян Шулу нашёл его, раскрыл зонт и, не говоря ни слова, просто обнял — как вожак, возвращающий в стаю заблудившегося.

Тогда Тан Юй весь пропитался этим ароматом. А когда Цзян Шулу взял его на спину и понёс обратно, он в полусне думал: «Почему все сменили духи, а капитан до сих пор пользуется старыми? Даже будучи лицом бренда, не обязательно же носить их постоянно...»

Теперь, спустя годы, это воспоминание вдруг всплыло с ошеломляющей ясностью. Тан Юй

смотрел, как Тан Мянью с радостным визгом бросается в объятия Цзян Шулу, и чувствовал одновременно страх и стыд.

Страх — что его тайна раскроется, и он снова станет помехой на пути к счастливому концу главных героев.

Стыд — за то, что вместо обещанной «помощи в любви» он устроил целую беременность.

«Я... — подумал Тан Юй. — Я... я просто последний мерзавец!»

Чем бурнее были его мысли внутри, тем более бесстрастным становилось его лицо снаружи.

В кадре прямого эфира молодой человек смотрелся совершенно невозмутимым — и всё же его лицо, не появлявшееся на экранах пять лет, по-прежнему заставляло замирать сердца.

Старые фанаты мгновенно поняли: Тан Юй просто задумался.

Новые же зрители, видя, как он смотрит на Тан Мянью с лёгкой хмуростью, решили, что он злится.

«Цзян Шулу что, похищает чужого ребёнка?!»

«Новички, скажите, это шоу про семью? Они что, втроём?»

«Мне кажется, я уже видел эту сцену... Когда Тан Мянью бросился к нему, это так напомнило тот день в Манчестере!»

«Когда Тан Юй прыгнул с ограды, Цзян Шулу тоже так его поймал!»

«Неужели я уже состарился? Эти моменты из жизни “Ауэй” сами всплывают в памяти, без усилий!»

«Где же тот модератор форума, который первым начал шипперить Цзян Шулу и Тан Юя и за это всех насмешек удостоился?! Беги скорее — твоё царство настало!»

Старые фанаты знали привычки Тан Юя. И уж Цзян Шулу — тем более.

Все эти годы имя Тан Юя то и дело всплывало в его мыслях — неявно, но настойчиво.

Как булавка, случайно уколывшая кожу, когда ты прикалываешь брошь: резкая боль, короткий

вдох — и всё.

Даже спустя пять лет Цзян Шулу по-прежнему считал Тан Юя ребёнком.

И сейчас, выйдя из дома, тот по привычке надел детские часы — те самые, с зелёной черепашкой. Те самые, что они купили на ночном рынке после одного из концертов, по глупой, внезапной прихоти.

Годы пролетели, как миг. Нежно-зелёный ремешок, который Цзян Шулу тогда оплатил, теперь поблек до бледно-салатового.

Но одиночество в глазах Тан Юя, кажется, стало ещё глубже.

Цзян Шулу помнил, как всей группой они старались рассеять эту тень.

А теперь в его руках — тяжесть. Живая, тёплая.

Полмесяца назад, когда продюсер показал ему фото Тан Юя с ребёнком, его сердце будто разнесло снарядом.

Кровь превратилась в пух, и дышать стало невозможно.

Тан Юй... с кем-то встретился, женился, завёл... ребёнка.

Но если он счастлив — почему его взгляд такой же, как в первый день их знакомства?

— Папа! — позвал Тан Мянью из объятий Цзян Шулу и потянулся к отцу.

Цзян Шулу сделал шаг ближе.

Снова повеяло тем самым ароматом. Тан Юй очнулся от воспоминаний и глуповато «А?» произнёс.

— Ты чего бежишь? — спросил Цзян Шулу.

«Верно!»

«Ха-ха, да ладно! Увидел капитана — и бегом!»

«Помните, в группе такое тоже случилось!»

«Когда Тан Юй и Люй Сичао тайком купили люсыфэнь и ели на лестнице, чтобы Цзян Шулу не узнал! А лифт как раз чинили, и Цзян Шулу пошёл по лестнице — и поймал их с поличным!»

«Это же из интервью! Люй Сичао рассказывал, как Тан Юй схватил свою лапшу и убежал — будто украл деньги у Цзян Шулу!»

«И лицо у Цзян Шулу тогда было... Он сам не понимал, почему Тан Юй так его боится!»

Тан Юй тихо «Э-э...» пробормотал и опустил глаза, не решаясь смотреть на Цзян Шулу.

Аромат духов с их яркими цветочными нотами слишком сильно напоминал ему ту ночь — объятия, дыхание, ладони, поцелуи, прикосновения...

И те четыре иероглифа, которые он столько раз читал в книгах.

Всё было так точно, так уместно. Он чувствовал себя так, будто больше не увидит завтрашнего солнца — пронзённый, проникнутый, в муках, с болью, с набухшей, кислой тяжестью внутри... Хотелось плакать.

Он потерял контроль над собой, его душа была клеймёна, и в ней укоренилось семя Цзян Шулу.

Эта сцена была до боли знакома. Если бы кто-то смонтировал её рядом с архивными кадрами «Ауэй» — получилось бы идеальное совпадение.

Будто время не шло. Тан Юй по-прежнему боится Цзян Шулу. Их взгляды по-прежнему не встречаются.

Как сейчас: Цзян Шулу смотрит на Тан Юя, который нервно перебирает пальцами, опустив голову, но уши у него покраснели.

«Похоже... ничего особо не изменилось?» — подумал Цзян Шулу.

Понимая, что ответа не дожидаться, он спокойно повернулся, машинально протянул руку, чтобы взять Тан Юя за ладонь, но вспомнил его реакцию — и тут же отвёл руку.

Он не заметил, как Тан Юй чуть-чуть приподнял свою руку — совсем незаметно, с колебанием.

Если бы это было обычное шоу — никто бы и не увидел. Но ведь это прямой эфир. Сотни тысяч

глаз, старые фанаты собрались вместе — можно сказать, настоящий «тимбилдинг».

«Чёрт! Цзян Шулу, бери за руку! Почему убрал?!»

«Тан Юй, мой малыш, как ты всё ещё боишься капитана?! Ты же уже папа!»

«Зато Тан Мянью совсем не стесняется!»

Тан Юю ничего не оставалось, кроме как идти следом.

Ребёнок в руках Цзян Шулу явно наслаждался вниманием. Он удобно устроился у него на груди, и на каждый вопрос отвечал чётко и весело.

— Сяо Мянью, ты понимаешь, что участвуешь в шоу? — спросил Цзян Шулу.

Тан Мянью кивнул. Он не отрывал глаз от Цзян Шулу. В кадре его круглые глазки выглядели невероятно мило.

Волосы у него слегка вились — в отличие от прямых, гладких волос Цзян Шулу.

Хотя старые фанаты знали: капитан регулярно делает выпрямление.

«Боже, чем дольше смотрю, тем больше похожи!»

«Даже если бы Цзян Шулу женился, у него не родился бы ребёнок, так похожий на него!»

«Цзян Шулу — сам по себе уже “золотая жила”, я думала, он рано женится и заведёт детей, но ни единого слуха!»

«А Тан Юй, наоборот, такой открытый!»

— Это твой папа предложил тебе участвовать? — продолжал Цзян Шулу.

Для него Тан Мянью был точной миниатюрной копией Тан Юя — даже форма губ, даже выраженный «жемчужный» выступ на верхней губе.

Малыш покачал головой:

— Это я сам захотел!

Он обнял Цзян Шулу за шею, явно наслаждаясь его ароматом, и, прижавшись щекой к плечу, обернулся к Тан Юю:

— Правда же, папа? Я хочу путешествовать! Хочу летать на самолёте!

Его голос звенел детской радостью, но при этом был чётким и ясным — просто воплощение милоты. Фанаты за ограждением визжали от восторга.

Тан Юй хотел провалиться сквозь землю.

Он тысячу раз пожалел, что послушал Люй И.

«Никого больше не будет, специально для вас делаем шоу, потом просто смонтируем — ничего страшного!»

Ничего страшного?! Да это же прямой эфир!

Когда он тогда открыл дверь и увидел лес камер — чуть ноги не подкосились.

Деньгами он не страдал, да и в остальном ему нечего было желать. Только с уходом за ребёнком он всё ещё чувствовал себя неуклюжим.

Но по сравнению с тем беспомощным «младшим братцем», каким он был, попав в этот мир, он, пожалуй, уже неплохой отец.

Просто он не мог дать Тан Мяню маму.

Мог только сказать, что она ушла.

Он молил судьбу, чтобы сын никогда не узнал, что родился от мужчины.

Чтобы в школе его не дразнили, как дразнили его самого.

Цзян Шулу вообще не любил детей.

Семья Цзян — старинная, консервативная аристократия. У боковых ветвей уже полно наследников; многие его ровесники — двоюродные братья и сёстры — давно стали родителями.

Только Цзян Шулу упрямо сохранял холостяцкий статус, продолжая ту же «мятежную» линию, что и при выборе карьеры идола.

Ему не нужно было вступать в брак по расчёту — бизнес семьи процветал и без этого.

Но родительский контроль ничуть не ослаб. Они по-прежнему хотели, чтобы он шёл по заранее намеченному пути — и не повторял «ошибку» с шоу-бизнесом.

Сейчас Цзян Шулу не открыто отказывался, но все понимали: он непреклонен.

Он мог прийти на семейные сборы, вежливо общаться с роднёй, давать деловые интервью.

Но ни на один вопрос о личной жизни не отвечал. Его частная жизнь была настолько чиста, что не вписывалась в стереотип «наследника богатого рода».

Как говорили другие «золотые мальчики» из высшего общества: «У него шесть корней слишком чисты — ни женщин, ни мужчин не интересуется. Похоже, полный асексуал».

Когда два года назад легализовали однополые браки, некоторые родственники даже привели партнёров домой. Видя, что Цзян Шулу всё ещё один, начали осторожно спрашивать:

Сначала мать: «У тебя есть девушка, которая нравится?»

Потом: «Неужели... у тебя есть юноша, который нравится?»

Цзян Шулу покачал головой: «Я же не младший дядя».

Он прекрасно знал: семья Цзян далёка от прогрессивности, скорее — архаична. Даже в новую эпоху они никогда не примут брак с женщиной.

Пусть он и перевыполнил все родительские ожидания.

Он всё ещё в ловушке.

В этот самый момент улыбка замерла у него на губах. В памяти всплыл тот, кого он нес на спине.

Под ливнём, прижавшийся к его плечу, с тихим дыханием... Этот момент разрушил двадцатилетнюю стойкость Цзян Шулу.

Он почувствовал головокружение, жар в ушах и, стараясь говорить спокойно, сказал: «Сяо Юй, не держись так крепко».

Юноша тихо «Ой» произнёс и забормотал извинения.

Тогда Цзян Шулу не придавал этому значения.

Он никогда не был влюблён, не мечтал о любви.

Но в тот момент, когда мать задала вопрос, его сердце рухнуло, как гора, а через годы прокатился гром — прямо в ухо.

Громогласно напомнив: «Ты тоже испытывал это чувство».

Увы, время ушло.

Увы, он понял слишком поздно.

Теперь он стоит в шумном аэропорту, держа на руках сына Тан Юя. Ребёнок мягкий, голос звонкий — совсем не похож на звучный, бархатистый тембр Тан Юя.

И всё же этот малыш, которого он раньше терпеть не мог, вызывает у Цзян Шулу нежность и тепло в глазах.

Он не выдержал и тихо спросил Тан Мяня:

— А где твоя мама?

<http://bllate.org/book/16057/1436221>